

Цена
договорная

- О Курской битве
- К 100-летию гусевской типографии
- Стихи В.Соболева
- Полезные советы, кроссворд, гороскоп

Н.ВИНОГРАДОВ,
министр области

К полудню на трибунах появились зрители. Праздничную программу продавали соревнования велосипедистов «Веселое колесо», мини-футбол, настольный теннис, стритбол (баскетбол в одно кольцо). И

О. МАЛЬЦЕВА.

Последнее время занимал должность заместителя начальника служебно-криминальной милиции Гусь-Хрустального УВД.

Предыдущий начальник МОБ — подполковник милиции А.Б. Шев из органов внутренних дел в отставке в связи с выслугой лет. В настоящее время является старшим судебным приставом г. Гусь-Хрустальный.

Л. ЖЕРИХОВА.

**Предприниматель Е.В. Шапонов
выплачивает гонорары за материалы,
напечатанные на этой странице.**

Душа

Литку, заблуждась и гремя,
мир внешней по своим
знаком строй,
живет на свете таинство —
душа,
обличье человечества инос.
С рождения человека,
с давних пор,
мир по обезображен, то украсен.

Душа — и спенатик, и режиссер,
и постановщик всех времен —
она же!
Измение на случайности неистов:
по всем души присутствие реально.
Историю понять — ее понять.
Нет ничего души
материальной.

Самолет

Самолет над селением летит,
серебристо сверкающий крестик.
Словно путник с отрадною
востью,
он в грядущие дали спешит.
Самолет над Отчизной летит.
Над большою страной простоя,

он поит, как страницы, листик.
Как лезвием гостиницы из мид
Самолет над облаками летит.
На борту — шашлы разные,
точно! —
но какая-то сила роняет,
и сплывает их в общую точку.

Общественность

При коммунизме мы пожили.
Были стремления к чистой цели.
Как в кино,
и очевидность, и было бы так
в единое выпалась полотно.
Все миротанье — беззвучно,
и куртими,
и умность этих, и безумство тех —
не сама ли древняя картина,
где рыло — и трагедия, и смех?
И никакая это не оплошность,
нытапи, мол, все большевики
были, была людей в мундштупе
общности,

друг друга больше были мы
близки.
Пусть коммуналки — признак
коммунизма,
не очени возмывавший его,
но очени было больше
в прежней жизни,
возмывшее — духа торжества.
Зачем у нас еще лететь отсюда?
О прошлом что ни говори
сейчас,
но мысль тогда к высокому
летела,
и мир искусства был не чужд
для нас.

Собаки

Встрещаясь бесследно с собаками
(жизнь выжидает),
У мусорных баков чинакомы
меня ожидают:
оварка безмозглая, рылом с ней
— рыбак колы...
Суровое время настало.
Мы терпим. Доколе?
Сидит безызычно терьер,
поутрачено доверие.
Стоит ризеншнауцер —
что-то покусать бы, просит.
Что бросил собак и меня?
Покрошпаш в интернет
рокошном — ответа не будет:
так вечны вопросы.
Я помню собак лет военных.

Те были голыши
к взаимоотношности
всего лишь за доброе слово.
Кусок хлеба черного, чернотного
— радости!
Прекрасно, коль черное,
чернотное
в прошлом осталось.
Но эти собаки? Похоже,
их суеб распухла
консулус: бездомными стали.
Эх, жизни-неуспеу!
Ко мне-подходил не спеша
добрым одиошк.
Ох как предложили...
Отключая от хлеба,
высокий.

Кто жил до нас, не разгадали,
и разгадан вряд ли мы
застеные земные дали,
сплывшие лавина зима...
Есть неподдающая в природе,
непознанного вечный ток.

То, что приходит и уходит,
зачем нам дарится на срок?
Как будто все: снега ли свивит,
или солнце светит просто так
лито несомло как сияние
ценить превелье всяких благ.

Ключ

В основе чист и оттого певуч
(в восторге повторюся,
не обессудите!),
течет средь камней замешных
ключ,
словно зонтика приравласа ступи.
В нем что-то нестерпящее есть,
чего не замутит забавная
равляно.
Течет, как будто из бывшего,
маня непереходимым
содержаньем.

Пронизанная светом дня до дня,
хранящая глубины незримых
светств,
вода ключа средь зноя холодна
до остроты.
Консулус — как бы пережух.
Сверну с дороги, приключу
к ключу,
и снова в путь, хотя устал
немало.
От слова не того ли я хочу:
чтоб, освесая, сияние приключило?

Птицы

В небе предвзимным проносятся
стаи птиц...
Что-то им видится там,
на земле, в глубине
воздуха, что по-иному
уже не струится,
леса, что стынют
в недвижно-немой тишине?
Помнит ли лето минувшее

Наверное, помнит!
Чутким инстинктом
погонию ждут.
Время придет — током теплого
воздуха крылья напоят.
Птицы, как люди, надежды
и верой живут.

Все незримой меж прошлым
и будущим связи,
словно мы забываем бывшее.
Неужель не рождается разумная
жизнь,
чтоб в душе возродилось
светлое?
Были-были когда-то в стране
мужики,
имена их набито гремели.

Неужели для Родины мы
чужаки,
или силою мы ослабели?
Неужель не проступит мочуется
души,
и разумное вновь не воспонет?
Будет, будет: разумное
как ни глупи,
смыслонное время наполненнее
станет!

Владимир СОБОЛЕВ

В подборку стихов автора, оубийей которого состоався в этом году, вошли произведения, повествующие как о событиях равно минувшего лет, так и о проблемах современности.
Верой в то, что силы добра не сломятся перед силами зла и спасут светлые начала жизни для ее продолжения, наполены многие из предлагаемых стихотворений В.Соболева

Сенокосное утро

Рощи радлы разлету зари —
стало в сумрачных чащах
светлее;
рад малинник сососедству кипрей,
рады доброй росе косари.
Утру правится стрелок сорок!
Может быть, ощущение счастья

в том и есть, что во власти
сослосся
все, вошедшее в утрениый срок?
Терпким соком налившимся трау
утро косы стальные обшло —
засыали полоски металла,
рук движенье проясни и поясил!

Жизни терпкая сладость
касается уст.
Воздух пахнет шветями,
насыщен и густ.
Словно меткие стрелы в зомпенье,
с высоты
гцелые гулко скользят в соловей
на цветы.
Жизнь — простор поднебесный
хмелящий — люблю!
И от гцел на цветах
вес тесней
и тесней.

За полетом полет.
За полетом полет.
Медоносное лето звенящее
пост.
Полдень жарок, просторно
распахнуто, сквозит.
Солнце в небо взошло,
как на простор абиссиний.
Жизнь — простор поднебесный
хмелящий — люблю!
Сладень-мед из конша
деревянного пью.

Медоносное лето

Детство

Фото А.Забина

Молодость

Я помню время: зори ярче были,
наш паровоз летел
на всех парах,
друг друга люди искренней
любимы...
Неужто минувала та пора?

Манила нас опромидного
грядущности!
Восторга были как колокола!
В умах бурлила плывов
неуменности!
...А это просто молодость была.

Облаков налитные бока,
реки, рощи, озера, причастья...
Есть и будем мы в мире, пока
есть в нем то, к чему в жизни
причастны.
Ночи темной негой топы.
Пыет прохладу усталою тело.
Крупно видится в свете луны
куст калины, валун
обомеленный.

Звездный мир, как востега,
всплывал.
Тинет сонной осокой и илом...
Что напомнит о нас незвучащий,
что и мы не случайны
здесь были?
Мы, вникая земным голосам,
взгляда в себя обращаем все чаще,
и роднее становится нам
эти возды и травы, и чащи...

Дарения

Обетверено-красны в бору
стволы.
Оплавились смола на них.
Взгляди-ка!
полны, словно щедрые стволы,
и косиника тут, и земляника!
Где светелот от веток —
там рабы
чащобое пропитанные трава...
Входи! В корзину просится гриби.
Бери, сколь хочешь,
не убожд, право.
Спустился в низину,
где ручей течет,
где и в жару мажонка звет нагой.
Сморозные давалю потерни сует,
но терниши ты оскомину
с отыгой!
Бескрасней осиянностью души,
жизни во власти движущихся
минований.
Не счесть даров кукошней тиши,
и нету бескорыстие дарений...

Как Медофестерья, у трюмом
была, а порою — востега.
Груз безотчетных скорбных дум
ко на меня — когда? — нависли?
Жизнь с народом наравне:
скупды и радости, и тинпи,
и проступет все во мне
жизнь — равно на пеладнице.
Где чисте?

Неужто нет
противопясы несматую?
Жизнень — и сам шипи отует,
как мир устрои по-другому.

Эрлекс

Жить трудно, разуряться.
Скуп будущего вид.
Послем завтра в Эрлекс? —
знакомый совет.
Шадящий свет не меркнет:
не раз я видел сам,
как вознесенность церкви
приписки к небесам.
Но все ведь, светит прахом?
...По кладбищу иде!
где вечный сон монхонь
с мирянами — в раду.
Жизнь душ незауметный!
Есть данность, где пока
природный мир зеленый
вечнот обидка.
В век суеты и смуты,
и глупоты душе
есть чистое, что завтра
порядует в тинпи.
За леса темной кромкой,
за Буково-рекой,
есть светлый жар, негормоко
дарующий покой.

Не видать не могу я
того, что видно мне:
как, по заре тоскуя,
лес изнемо во тьме!
Я не могу не слышать,
как шепсест ольха,
как деля в жоруху вышел,
как ночь ушла, тьма.
Летящие мгновения,
и скорби, и радости дня
всей супло сокровенной
кажутся меня.

Воспоминание о хатае

И антипах запаха ситного,
и отблески солнца и грээ...
Кралоха земли поприснация,
как солю, кристаллами звед.
В прострестие земли, за дерзешено,
все дити приравласе стери.
Дерзешеное хлбное сотворение
являли горчие дни.
За рожиком мушуршания,
за скирдками,
где ночь синего-темна,
усталые рожи раскисали
в бесшуместве крытого сна...

